

Владимир КРУПИН

Рассказы из записных книжек

Прощайте, дома творчества!

Зимняя Малеевка, летние Пицунда и Коктебель, осенние Ялта и Дубулты. Комарово. Ещё и Голицыно. В Голицыно (1976-й) я пережил «зарез» цензурой целой книги. В Комарово просто заехал с Глебом Горышиным, в Дубултах вместе с Потаниным руководил семинаром молодых, а Ялта, Пицунда, Малеевка и Коктебель — это было счастьем работы.

И вот — всё обрушилось.

Комарово мне нечем вспомнить, только поездкой с Глебом Горышиным после встречи с читателями в областной партийной школе (1978-й). Там я отличился тем, что ляпнул фразу: «Между вами и народом всегда будет стоять милиционер». Может, от того был смел, что до встречи мы с Глебом приняли по граммушке. И Глеб предложил рвануть в Комарово. Ещё с нами ехала Белла Ахмадулина. По-моему, она была влюблена в Горышина (они вместе снимались у Шукшина и это тепло вспоминали), и когда он останавливал такси у каждого придорожного кафе, она говорила: «Глебушка, может быть, тебе хватит? — И, наклоняясь ко мне: — Больше ему не наливайте». Но хотел бы я видеть того, кто мог бы спить Глеба.

За полночь в Комарово я упал на литфондовскую кровать и, отдохнувши на ней, нашёл в себе силы встать, пройти вдоль утреннего моря, ожить и отчалить.

Малеевка всегда зимняя. Зимние каникулы. Дочка со мной. Дичится первые два дня, сидит в номере, читает, потом гоняет по коридорам, готовят с подружками и друзьями самостоятельность. Заскакивает в комнату: «Папа, у тебя прибавляется?». Позднее и сын любил Малеевку. И жена.

Обычно декабрь в Малеевке. Долго темно. Уходил далеко по дорогам, по которым везли с полей солому. Однажды даже и придремал у подножия скирды. И проснулся от хрюканья свиней. Хорошо, что ветер был не от меня к ним, а от них ко мне. Свиной запах я учуял, но какого размера свиньи! Это было стадо кабанов. Впереди, как мини-мамонт, огромный секач, далее шли по рангу размеров, в конце бежали, подпрыгивая, дёрганая хвостиками, полосатенькие кабанчики. Замыкал шествие, как старшина в армии, тоже кабан. Поменьше первого. Минуты две, а это вечность, прохрюкивали, уходя к лесу. И скрылись в нём.

И что говорить о Коктебеле! Ходили в горы, был знакомый учёный из заповедника. У него было целое хозяйство. Два огромных пса. Один для охраны хозяйства, другой для прогулок. Поднимались к верхней точке, подползали к краю склона. Именно подползали. Учёный боялся за нас. «Тут стоять опасно: голова может закружиться, здесь отрицательная стена». То есть под нами обрыв уходил под нас. Страшно. Казалось — весь он хлопнется в море. Ведь мы его утяжеляли. Ездили в Старый Крым, в Феодосию (Кафу), конечно, в Судак. Видели планиристов, дельта и парапланиристов, лазили по генуэзской крепости. Сюда бежали наёмники Мамаю, оставшиеся в живых после Куликовской битвы.

Очень меня выручала привычка к ранним вставаниям. Задолго до завтрака бежал к морю, когда на берегу было пусто, а ещё раз приходил вечером, когда от него все уходило. То есть хорошо для работы.

В Коктебеле пережили 19 августа 1991 года. С Василием Беловым сразу рванули в Симферополь. Но у аэропорта уже стояли войска и меня не пустили. А Белова, он был депутатом Верховного совета, отравили самолётом. Но это было промыслительно — накануне вечером жена поскользнулась в ванной на кафеле и упала затылком. Была вся в крови. Так я запомнил гибель империи.

В Пицунде бывали семьями. Раз сыночек мой оседлал меня и ехал вдоль прибоя. Аня Белова увидела это и вскарабкалась на плечи отцу. Сыночек мой подпрыгивал и кричал: «А мой-то папа выше, а мой-то папа выше!» — Аня ему нравилась. У меня даже ноги ослабли, как это можно быть выше Василия Белова?

Ещё раньше, в той же Пицунде, дочка прибежала ко мне и таинственно сказала: «Хочешь, я покажу тебе маленького ребёнка, который уже знает иностранный

Коллаж Елены СТЕПАНОВОЙ

язык?». И в самом деле, показала смугленького мальчишку-армянина, который бойко лопотал по-своему.

В этой же Пицунде мы с Анатолием Гребневым ходили на море каждый день, делая утренние заплывы. Один раз был шторм, но что сделаешь с твердолобостью вятского характера, всё равно пошли. Коридорная Лейла, абхазка, воздевала руки: «У вас ума есть?» — «Пятьдесят лет дошёл — назад ума пошёл», — отвечал ей Толя.

Прибой ревел, накатывался далеко за пляжные навесы. Мы еле вошли в волны. В высоту больше двух метров. Надо было бежать им навстречу и в них вырывать. Потом волны возносили и низвергали. Восторг и страх: но надо же было как-то вернуться на сушу. А уж как выходили, как нас швыряло, это, сказал бы мой отец, была целая эпопея. Могло и вообще в море утanutь. Надо было, пока тебя тащит волной, катиться на ней и сильнее грести, и стараться выбраться на берег и успеть уползти подальше от волны. Но волокло шумящей водой обратно в пучину. Получилось выбраться раз на третий. А уж какие там были ушибы и царапины, что считать? Живы, главное. «Кричал мне вслед с опаской горец: "Нет, нам с тобой не по пути! Не лезь себе на горе в море, с волною, слушай, не шути!"».

А ещё раз поздно вечером поплыли, заговорились и... спугали береговые огни с огнями судов на рейде, и к ним поплыли. Хватились, когда поняли, что корабли на воде — это не дома на суше. Еле-еле душа в теле выплыли.

В горы ходили.

Да, было, было. И работалось, и жилось как целось.

Чача

В горах у Пицунды жили, естественно, горцы. При обилии фруктов, своих и диких, делали вино, гнали самогон, по-грузински чача. Ходили к ним из Дома творчества, хоть и неблизко. Переживши потрясение штормом, пошли в горы, чтобы этой чачей снять нервное напряжение. Хозяину сказали: «Платим за две. Одну бутылку пьём с тобой, другую берём с собой». — «Вы уезжаете?» — «Да».

Хозяин полез в подвал, а сын его, лет шестнадцати, стал спрашивать, не поможет ли мы ему пойти учиться в школу КГБ. «Зачем тебе это?». Он мечтательно улыбнулся и повёл рукой: «Все боятся».

Сели с хозяином за столик во дворе. «Приговорили» бутылку. И в самом деле питьё было приличным. Не ударило в голову, а грело изнутри. Расплатились, пошли. Идём, горным воздухом дышим,

ют. Держат в нагретом за день помещении морвокзала. Нам объяснили, что корабль досматривает бригада таможенников. Раньше таких строгостей не было. Ждать тяжело: сидеть почти не на чем, вдобавок жарче. Да ещё и курят многие вовсю. С нами группа журналистов, а с них что взять? Хозяева жизни. В группе преимущественно женщины в брюках, и среди этих женщин некурящих нет.

Прямо виски ломит от этого дыма. Подошёл к охраннику и попросил его, прямо взмолился, выпустить хотя бы у выхода постоять, а не в помещении.

— А потерпеть не можете? — спросил он. — Скоро уже отшмонают. Уже ваши угощение таможенникам понесли.

— Не могу, голова болит.

Он посторонился, и я вышел в южную майскую ночь. Стоял у решётки ограждения перед водой, видел в ней отражения зелёных, жёлтых и красных огней, слышал её хлопанье о причал и очень хотел поскорее оказаться в своей каюте, бросить сумку и отдраить иллюминатор, в который обязательно польётся свежий морской воздух. И услышать команды отчаливания, начало дальней дороги.

Потом, когда отшумит провожающий буксир, когда утомлённые расставанием с землёй паломники и пассажиры тоже затихнут, выйти на палубу, быть на ней одному, ощущать подошвами большое, умное тело корабля и знать, что и луна, и морские глубины соединились для того, чтобы сказать тебе: смотри, смотри, эта красота и мощь земного мира пройдут, старайся запомнить их.

И стоять на носу, слышать, как ударяются о форштевень и раздваиваются волны, как распускаются белые крылья пены, вздымающие корабль. Дышать, дышать простором, глядеть на небо, находить по звёздам север, крестить родных и близких и Россию. И обращаться к югу, креститься на него, вспоминая Святую Землю и замирать, и надеяться на новую с ней встречу. И радоваться, что она начинает приближаться.

Но как ещё далеко и долго. Но не пешком же. Даже не под парусами. И хорошо, что далеко, хорошо, что долго. Будут идти дни и ночи, солнце станет жарче, а луна крупнее. В Чёрном море будут прыгать дельфины, а в Средиземном заштормит. Далёкие острова будут проплывать у горизонта, как во сне. Звёзды каждый вечер будут менять расположения, Большая Медведица снизится, Полярная звезда отдалится, и однажды утром покажется, что ты всегда живёшь на этом корабле.

Через две недели. Уже за кормой Святая Земля. Корабль уходит в закат. Слева возникает широкая лунная дорога. Сидел на носу, глядел на мощные покатые волны. В памяти слышалось: «Бездна бездну призываю во гласе хлябий Твоих». И: «Вся высоты Твоя и волны Твоя на мне проидоша».

На воде голубые стрелы света. Зелёное и золотое холмистых берегов. Не хочется уходить в каюту. Приходит, появляется звёздное небо, будто меняется покров над миром. Шум моторов, шум разрезаемой воды, как колыбельная. Но почему-то вдруг глубоко и сокрушённо вздыхаешь.

Корабль

Вот уже и паспорта отштамповали, и вещи просветили, а на корабль не пуска-